

УДК 94(47)+304.2

Зайцева А.А.

**Бедность в контексте повседневности мещанского общества в конце XIX – начале XX вв.
(по материалам Московской губернии)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема бедности в контексте мещанского общества в конце XIX – начале XX вв. и меры по социальному призрению неимущих и нетрудоспособных членов этой сословной корпорации, на историческом материале городов Богородск и Дмитров.

Ключевые слова: бедность, сословия, мещанское общество, социальное призрение, повседневность.

Бурное развитие капитализма в России в конце XIX – начале XX вв., размывание сословий, динамичная урбанизация породили ряд насущных социальных проблем, в том числе, рост количества бедных, среди которых, в свою очередь, выделялись люди больные, нетрудоспособные, престарелые. В наибольшей степени это коснулось мещанства как самого многочисленного слоя населения российских городов. Низкие доходы, необходимость уплаты государственных сборов и налогов, непривилегированность податного состояния, семейный характер труда удерживали мещанство в низшей страте городского общества [3. С. 169–182].

Данное исследование проводится на основе изучения архивов двух городов Московской губернии – Богородска и Дмитрова. Рассмотрение проблемы бедности в контексте повседневности погружает нас в жизненный мир конкретных людей с их эмоциями, переживаниями, субъективным восприятием, вскрывая драматические ситуации оказавшихся без средств к существованию, неустроенных, больных, одиноких, нуждающихся в попечении и заботе. Имена и фамилии участников этого процесса – мещан, купцов, городских деятелей, частных лиц, благотворителей, жителей, извлеченные из архивных документов, равно как и сами тексты документов, наполняют социальную историю живым человеческим содержанием.

Мещанство было неоднородным сословием и различалось по роду своих занятий и имущественному положению, по уровню грамотности. Большинство мещан провинциальных городов относилось к городской бедноте. В России не существовало четкого критерия определения бедности, как и четкого разделения состояния бедности и нищеты. Бедным считался тот, кто не может удовлетворить основные жизненные потребности из-за своего социального положения [5. С. 10]. В Законах о состояниях было сказано лишь, что «городские общества и сельские начальства обязаны смотреть, чтобы бедные и неимущие люди их ведомств по миру не бродили и нищенским образом милостыни не просили, и наблюдать, чтобы те из них, кои окажутся здоровыми и в состоянии работать, были употребляемы по усмотрению в разные работы, престарелые же и дряхлые отдаваемы на содержание родственникам; буде же родственников не имеют, то отсылаемы в богадельни, больницы и другие богоугодные заведения, содержимые на иждивении тех сословий и обществ» [7. С. 182–183].

Таким образом, законодательство увязывало проблему бедности с другими родственными социальными недугами – нетрудоспособностью и нищенством – и предлагало сословным обществам и общественным учреждениям, а также родственникам оказывать социальную поддержку нуждающимся категориям населения. Социальная помощь бедным проявлялась в виде социального призрения со стороны государства и общества. Заметим, что в пореформенное время социальное призрение стало входить в компетенцию земств и городских общественных управлений. Сословные корпорации также участвовали в этой деятельности.

Социальная поддержка неимущих была одной из главных функций мещанских сословных обществ, которые имели право выдавать своим членам свидетельства о бедности по ведению дел для представления в Окружной суд [6. С. 134.]. Основными видами помощи оказывались: плата за лечение бедных мещан, устройство в богадельни, организация быта престарелых, единовременные различные пособия неимущим, создание продовольственных капиталов на случай неурожаев.

Самым ярким показателем бедности мещанского сословия были недоимки и невозможность своевременной уплаты государственных податей и сборов. Иногда недоимки копились годами и составляли очень большие суммы. Так, в 1876 г. богородский мещанский староста по приговору общества «перечислил в сбор на государственные повинности на пополнение накопившихся за некоторыми из самых беднейших мещан недоимок 2500 руб.» [8. Л. 116].

В неурожайный 1880 год Министерство внутренних дел своим циркуляром рекомендовало мещанским обществам Московской губернии употребить сословные продовольственные капиталы на покупку хлеба для продажи его бедному городскому населению по заготовительной цене с условием возврата потраченных сумм после окончания «хлебной операции» [8. Л. 2, 3].

Мещанство являлось объектом благотворительности также и со стороны органов городского общественного управления и частных лиц. В 1899 г. Министерство внутренних дел выступает с

инициативой создания при городских общественных управлениях городских попечительств о бедных в целях развития дела призрения в городах. Первая такая организация возникла в Москве для сбора пожертвований, раздачи пособий нуждающимся и наблюдения за призреваемыми. Впоследствии такие попечительства, работа которых носила адресный характер, были созданы во многих городах России.

В Дмитрове попечительство о бедных возникло в 1910 г.; его учредителями были городской староста П.А.Елизаров и члены городского собрания уполномоченных А.Е.Новоселов, П.И.Архаров, Ф.Н.Короваев, С.Е.Клятов, В.Н.Бирюков [9. Л. 2 об.].

В Богородске попечительство о бедных было создано в марте 1903 г.; в его состав вошли известные в городе купцы, промышленники и общественные деятели С.А.Елагин, М.М.Колобоков, С.Ф.Памфилов, М.А.Сопов, Ф.А.Детинев, С.Г.Куприянов, Т.С.Зотов, Г.С.Ломакин и др. Поступавшие от попечителей суммы раздавались по опросным листам и по спискам бедным мещанам к праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова. Также делались единовременные пособия отдельным лицам мещанского сословия продуктами и деньгами «по бедности и болезни», «на погребение». Ежемесячные пособия выдавались в течение года приемным семьям, в которых содержались на призрении бедные мещане. Поступления различных сумм шли от попечителей, а также брались в виде процентов с капиталов благотворителей – московского купца М. И. Крашенинникова, Ю. Острогорской, В. Коротковой [10. Д. 377. Л. 1 – 1 об., 28, 31 об.; Д. 627. Л. 1 об. – 8 об.].

В Дмитрове статьи расхода городского бюджета на общественное призрение на 1915 г., предусматривающие: содержание городской Тугариновской богадельни, выдачу пособия престарелым, увечным и вдовам с малолетними детьми, бедным невестам на приданое по выходе в замужество – полностью финансировались с процентов с капиталов, пожертвованных в разное время благотворителями. В ведении дмитровского городского общественного управления в 1915 г. находились именные капиталы московского купца М.И.Крашенинникова, а также жителей Дмитрова – купца П.Д.Долгова, мещанки С.П.Жеребиной, мещанки Н.И.Копусовой, пожертвованные на выдачу пособий беднейшим жителям города [11. Л. 49 об., 63].

В Богородске также завещанные благотворителями М.И.Крашенинниковым и Елагиным проценты с капиталов направлялись на выдачу пособий девушкам-мещанкам «при выходе в замужество». Представляет интерес сама процедура получения пособия. Для этого необходимо было вытянуть жребий. Если в течение года девушка, которой достался жребий, выходила замуж, то она должна была подать мещанскому старосте заявление о выдаче пособия и представить «удостоверение о повенчании», после чего она могла рассчитывать на получение денег. Так, богородская мещанская девица Екатерина Васильева, вышедшая 24 июля 1909 г. «в замужество» за крестьянина Владимирской губернии Андрея Андреевича Николаева, получила причитающиеся

ей процентные деньги «умершего благотворителя Елагина» в сумме 104 руб. 50 коп [12. Л 2, 3, 4].

Среди всех нуждающихся в признании слоев городского мещанского населения в лучшем положении находились отставные нижние воинские чины. Заметим, что в отношении этой социальной группы действовало идущее еще со времен Петра I признание определенных обязательств государства по ее поддержке. Досрочно уволенные из армии по инвалидности и признанные неспособными к труду и не имеющими средств к существованию могли получать от государства ежемесячно трехрублевое пособие [6. С. 321–343]. Такой приговор от богородского мещанского общества был выдан в июне 1878 г. отставному рядовому Ефиму Васильевичу Васильеву в том, что он имеет «на оба глаза внутреннего бельма к труду совершенно не способен общество с заявления нашего мещанского старосты удостоверяет, что Васильев состояния бедного, родственников которые могли обеспечить его существование не имеет, торговлю и промыслами не занимается и в услужении как у частных лиц в казенных местах и при церквях не состоит, а потому <...> на получение ему от казны пособия мы препятствий не имеем» (здесь и далее орфография и пунктуация подлинника – А.З.) [13. Л. 6 об. – 7].

Как отмечалось выше, выдача свидетельств о неспособности к труду и бедности отставных воинских чинов возлагалась на собрание мещанского общества и мещанских старост, которым по необходимости помогали специально выбираемые из состава общества «добросовестные» [6. С. 336.]. Название этой должности, звучащее несколько архаично, наводит на мысль о присутствии в самом термине определенной нравственно-ответственной составляющей деятельности этих лиц. В 1870-е годы в мещанском обществе Богородска на должностях «добросовестных» состояли мещане Г.Н.Грязнов, Л.И.Сальников, П.М.Смирнов, А.К.Бандурин. Все они были грамотными, их подписи стоят и под некоторыми другими общественными приговорами мещанского общества [14].

Возникает вопрос, что означала категория «труд» для мещанского сословия? Отношение к труду являлось неотъемлемой частью картины мира как этого, так и других сословий русского общества. В основе хозяйственной деятельности мещан ориентация на труд представляла главный смысл жизнедеятельности. Причем труд большинства мещан носил семейный характер и был направлен не на получение прибыли, а на удовлетворение собственных потребительских нужд. Повседневный практицизм их был ориентирован на приспособление и выживание. Поэтому неспособность к труду в силу физического недуга означала низведение мещанина за грань человеческого существования.

Как трактовалась неспособность к труду в законодательстве? «Способными к труду в семействе» считались лица от 18 до 55 лет, за исключением «1 совершенно не имеющих возможности работать вследствие увечья или болезненного расстройства, 2) сосланных, 3) находящихся в безвестной отлучке более трех лет и 4) находящихся по призыву на действительной службе

нижними чинами». Трудоспособными в семействе считались только лица мужского пола. В мещанской среде определение способности к труду выносилось по приговору собрания мещанского общества с последующим удостоверением органами городского общественного управления [6. С. 339.].

В этом контексте становится понятным прошение богородского мещанина Федота Григорьевича Пашкова, направленное им в июне 1881 г. в мещанскую управу. Пашков, 69 лет от роду, проживающий «на иждивении зятя» своего, «который сам от большого семейства помимо меня терпит домашние недостатки», просил о сложении повинностей с «сих душ», за которые Пашков продолжал платить, хотя делать это «положительно не в состоянии» и «не в силах». «Какой же человек или работник имевший 69 лет может оправдываться своими физическими силами? Имевшие 55 лет от рода и те уже избавлены как числятся уже неработники» [15. Л. 224], – заключал мещанин.

Утрата трудоспособности вследствие старости и физического недуга переводила подобных мещан в категорию престарелых, не способных материально обеспечить себя. Как выше было сказано, обязанности призрения по закону лежали на родственниках и богоугодных заведениях.

В этом отношении чрезвычайный интерес для нас представляет история семьи богородских мещан Грачевых, которую удалось проследить по делопроизводственной переписке богородского мещанского старосты с городской управой и полицейским управлением и относящейся к сентябрю 1881 г. Эти уникальные по своей социокультурной насыщенности документы позволяют не только выявить роль государства и общества в деле призрения, но и реконструировать частную жизнь конкретных представителей мещанства.

Семья как один из объектов исследования повседневности, всегда отражала изменения, происходящие в обществе. Именно здесь пересекаются родственные, экономические, социальные, правовые, нравственные процессы. Локальная ситуация мещанской семьи Грачевых высветила многие социокультурные тенденции рубежа веков, нюансы нравственных и социальных отношений горожан в повседневной жизни, в особенности – взаимоотношений родителей и детей. Заметим, что вопрос о роли семьи в деле призрения на материалах XVIII в. поднимался в недавно вышедшей монографии Н.В.Козловой [4]. И в конце XIX в. он остался актуальным, вытекающим из обязанностей детей по отношению к родителям. История семьи мещан Грачевых в концентрированном виде отразила всю совокупность отношений общества, продемонстрировав параллельное развитие двух взаимосвязанных процессов – стремление сохранить традиционные семейные ценности и разложение патриархального семейного уклада.

В сентябре 1881 г. мещанскому старосте Бандурину поступило письмо от заведующего богородской больницей о том, что богородские мещане Мартын Петрович Грачев 77 лет и его жена Татьяна Алексеева 68 лет «одержимы хроническими неизлечимыми недугами при старческом изнурении» и приняты в больницу быть не могут, а нуждаются в помещении в

благотворительное заведение. В ответ на это Бандурин обратился в полицейское управление с просьбой оказать содействие в помещении Грачевых в городской ночлежный дом для призрения бедных неимущих мещан, так как своих благотворительных заведений в ведении богородского мещанского общества не имелось. Староста отметил также, что «хотя у Грачевых и имеются два сына, из них один находится в безизвестной отлучке, а другой проживает в Костромской губернии». Подобное же письмо было направлено старостой в городскую управу; в нем подчеркивалось, что «Грачевы средств никаких не имеют равно родственников в г. Богородске которые могли бы взять их на попечение тоже не имеют сами же они доставить себе пропитание по случаю неизлечимых недугов не в силах и требуют постороннего ухода». Городская управа за недостатком места в ночлежном доме в приеме престарелых мещан отказала. В свою очередь староста Бандурин отправил отношение в Нерехтинское уездное полицейское управление Костромской губернии с просьбой обязать сына Грачевых Алексея Мартыновича Грачева, проживающего в селе Писцове Нерехтинского уезда на Красном Посаде в доме вдовы Александры Ефимовны Кочихиной, дать подписку о явке его в город Богородск «для взятия им родителей его на пропитание». В ответ Писцовское волостное правление своим отношением в Нерехтинское уездное полицейское управление представило подписку мещанина Алексея Мартыновича Грачева в том, что он обязуется «по требованию богородского мещанского старосты» явиться в Богородск и взять родителей «на пропитание» [15. Л. 350 об. – 380 об.].

Возникает вопрос, как подобная ситуация рассматривалась в законодательстве? Свод законов уделял большое внимание регламентации отношений родителей и детей. В соответствии со ст.194 Законов гражданских дети обязаны были, даже если они совершенно отделены от родителей, находящихся в «бедности, дряхлости и немощах», давать им средства на пропитание и содержание по самую их смерть. По решению гражданского кассационного департамента Сената, разъясняющего эту статью, данная обязанность детей «вытекает из особых личных отношений между родителями и детьми и коренится в нравственном чувстве долга, связывающем их между собой, почему и не переходит например на наследников детей». Статья 143 Устава о наказаниях за отказ доставить нуждающимся родителям необходимое для жизни пособие подвергала детей их, имеющих достаточные к тому средства, аресту на срок не свыше трех месяцев и обязывала доставить родителям соразмерное с их средствами пособие «уже в качестве гражданского последствия уголовного преступления» [1. С. 72–73, 89].

Известный дореволюционный правовед А.И.Загорский, указывая на особое значение нравственной составляющей в семейно-правовых отношениях, подчеркивал, что семейное право в России развивалось на «началах общекультурных». Поэтому некоторые проступки, в частности неуважение к родителям, рассматривались как уголовные преступления, т.е. как преступления против общества и общественного порядка, а не как частные дела [2. С. 2].

Вообще, дореволюционную семью характеризовали значительная роль государства в семейной сфере, а также патриархальность и авторитарность семейных отношений. В то же время,

развитие капиталистических отношений в городе, расширение сфер деятельности горожан, возросшие экономические возможности постепенно изменяли традиционные связи между обществом, семьей и личностью. Большая патриархальная семья постепенно уходила в прошлое, малая семья становилась все более распространенной, обозначалась тенденция к отделению взрослых детей, появилась проблема бедности. Но живучесть патриархальных отношений и традиционных нравственных начал, связь с сословной корпорацией, законодательная роль государства способствовали оказанию помощи попавшим в трудную жизненную ситуацию членам мещанского общества.

Изучение жизнедеятельности мещанского общества показало, что в конце XIX – начале XX вв. в среде этого сословия росло количество бедных вследствие нетрудоспособности, низких заработков, болезни, увечья, старости. Существование проблемы бедности и необходимости оказания помощи неимущим и нуждающимся людям было признано государством и обществом. В деле призрения соединились усилия государства, городских общественных управлений, частных лиц. Говоря о роли сословных обществ в этом процессе, в частности, мещанского, следует отметить, что мещанство в данном случае выступало не только объектом попечения и благотворительности, но и в лице органов сословного управления выполняло организационную функцию, оказывая поддержку членам своего общества. Примеры конкретных судеб отдельных представителей этого сословия подтверждают значимость для мещанского общества таких традиционных ценностей как семья, родственные отношения, религиозно-нравственные принципы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гуревич И.* Родители и дети. С приложением постановлений действующего законодательства, определяющих взаимные отношения родителей и детей. – СПб.: 1896. – Юр. библиотека. – № 10.

[2] *Загоревский А. И.* Курс семейного права. – Одесса: 1902.

[3] *Зайцева А. А.* Мещане как основа городской среды // *Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII – XX век.* – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 169–182.

[4] *Козлова Н. В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. – М.: РОССПЭН, 2010.

[5] *Курманова Г. Д.* Бедные слои Европейского Севера в последней трети XIX – начале XX вв.: социальные проблемы и помощь. – Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 2005.

[6] О мещанских и ремесленных управлениях. Сб. узаконений, правительственных и судебных разъяснений. / Сост. М.И. Мыш. – СПб.:1896.

[7] Систематический сборник законов о мещанских управлениях с позднейшими разъяснениями Правительствующего Сената, министерств и других учреждений / Сост. Я.М.Вилейшис. – Херсон. 1914. С. 182–183.

[8] Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 695. Оп. 1. Д.19.

[9] ЦИАМ. Ф. 826. Д. 412.

[10] ЦИАМ. Ф. 1113. Оп. 1.

[11] ЦИАМ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 591.

[12] ЦИАМ. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 1078.

[13] ЦИАМ. Ф. 695. Оп.1. Д. 13.

[14] ЦИАМ. Ф. 692. Оп. 3. Д.398. Л. 2. 25 об. – 26; Д. 452. Л. 2; Ф. 695. Оп. 1. Д. 19. Л.80.

[15] ЦИАМ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 19.

© А.А.Зайцева, 2014.

Материал поступил в редакцию 04.11.2014.

Зайцева Анна Александровна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Российский научно-исследовательского институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва),
e-mail: a-zaitseva@mail.ru

UDC 94(47)+304.2

Zaitseva A.

**POVERTY OF THE THIRD ESTATE IN THE CONTEXT OF THE MOSCOW DISTRICT
OF XIX – EARLY XX CENT. EVERYDAY LIFE**

Abstract. The problem of poverty and its overcoming through charity system is regarded.

Key words: poverty, third estate, charity, everyday life.

Zaitseva Anna Alexandrovna,

PhD in History,

Leading Researcher, D.Likhachev's Russian

Scientific-Research Institute of Cultural and Natural Heritage (Moscow),

e-mail: a-zaitseva@mail.ru